

В плену у белогвардейцев

Героической Красной коннице, пять лет тому назад освободившей Таганрог от черно-белой реакции и кровавого террора, посвящаю я эти строки.

А. Варелас

Мучительно-тоскливо тянулись тюремные дни. Еще тяжелей переносились ужасные ночи в белогвардейской тюрьме, с ежедневными расстрелами, издевательствами и грубым физическим подавлением, невероятным унижением личности. Толчки, пинки, побои, карцер, глумление, угрозы - все эти излюбленные методы царской жандармерии с особым упорством и жестокостью проводились в белогвардейской тюрьме. Все это усугублялось полным отсутствием каких-либо писанных границ произвола тюремщиков. О голодовке не могло быть и речи, ибо стоило только кому-либо заикнуться об этом, как свирепые стражи тащили смельчака на расправу в карцер. Кроме кулачной расправы «начальство» приговаривало: «Вот чем напугал проклятый большевик! Ну не жри - тем лучше, скорее издохнешь». При таких условиях всякий протест вызывал дикую и жестокую расправу. Переполненная тюрьма была полна вшами, грязью, человеческим потом, слезами, проклятиями, кровью и невероятными страданиями. Всякий героизм и протест отдельного заключенного терялся в этом мире дикой ярости, расшвырявшей черной реакции. Но и среди этого черного произвола и яростной свистопляски реакции иногда выделялись своим величайшим героизмом и самопожертвованием отдельные революционеры, так или иначе попавшие в плен к своим классовым врагам.

Таганрогская тюрьма осенью 1919 года жила особенно тревожной и мучительной жизнью. Начальником тюрьмы был полковник Ковалев, бывший в этой должности в царские времена и вновь восстановленный в ней Деникиным. Сам он был казак Новониколаевской станицы и без яростного раздражения не мог вспоминать то время - когда революция 1917 года, а затем Советская власть в Таганроге в 1918 году заставили его отойти от любимого тюремного заплечных дел мастерства и скрываться от карающей руки пролетарского правосудия.

Старший помощник его был гр. Лавров - штаб-капитан, сын известного в городе Таганроге черносотенца Капитона Лаврова. Яростью и невероятной жестокостью дышала его злоба против трудящихся и революционеров. С особым удовольствием он отправлял палаческие обязанности, глумясь над своими жертвами. Расстрелами занималась казачья комендантская команда, а Лавров привлекался к исполнению казней, когда «милостивый» военно-полевой суд приговаривал не к расстрелу, а к повешению. Лавров собственноручно вешал приговоренных тут же около тюрьмы на дереве.

Третьим, уже идеологическим палачом был отец Лаврова - священник Капитон, служивший тюремным священником. Эту теплую компанию дополняли подлого вида второй помощник начальника (фамилию не помню) и два наиболее жестокосердных стража.

Тюрьма была напихана главным образом крестьянами из округа, имеющими несчастье жить в тех волостях, где весной 1919 года вспыхнуло восстание против поработителей-белогвардейцев. Сидело также несколько эсеров, вкусивших сладость деникинской демократии, и несколько товарищей, так или иначе причастных или обвиняемых в причастности к большевизму. Один только мой вид, как живого участника установления Советской власти в Таганроге в 1918 году, вызывал дикое исступление господина Ковалева и Лавровых... Мучительно тянулись бесконечные дни и ночи ожидания: когда же моя очередь?

Моя камера находилась напротив 30-й камеры, куда обыкновенно приводили приговоренных к смерти. Подавляющее большинство приговоренных были крестьяне-повстанцы,

умирающие геройски, без единого звука о пощаде. Каждый вечер из «волчка» я наблюдал, как с покорными лицами, попарно связанные, с затынутыми назад руками, эти герои покорно выходили из 30-й камеры, где их принимала комендантская команда. Затем за окном слышится шум автомобильной платформы с отъезжающими приговоренными, туда... к Еврейскому кладбищу. В камере все затихает. Жуткая тишина. Заключенные крестьяне крестятся, многие плачут. Наконец тишину пререзает короткий залп, и опять тишина. Все кончено.

Кровавая месть буржуазии временно торжествует. А через несколько минут с веселым гиканьем, песнями и гармошкой подъезжает на автомобильной платформе та же казачья команда. И нарочно останавливается около тюрьмы. В течение нескольких минут слышатся пьяные песни, танцы, крики «ура», а потом платформа с шумом отъезжает, и снова все затихает. Несмело начинают раздаваться голоса возмущения. Одновременно каждый чувствует какое-то облегчение, что уже сегодня никто не тронет, начинаются разговоры, кое-где раздаются песни.

Гибель тов. Викторова

(После сыпного тифа и тяжелой нервной болезни у меня особенно притупилась память на фамилии, поэтому фамилия Викторова вряд ли соответствует действительности. - А.В.)

В последних числах октября и начале ноября 19-го года в 30-ю камеру стало поступать особенно много приговоренных к смерти. Наша камера также значительно уменьшилась. Несколько молодых крестьян из села Платовки были расстреляны, а их отцы, сидевшие вместе с ними, ожидали своей скорбной участи. Их было трое стариков, провожавших из тюремной камеры на «суд» своих сыновей и потом глядевших в «волчок» (решетчатое оконце в двери камеры), как их дети шли на смерть. Прощание их с сыновьями было деловито, без рыданий. Говорили о хозяйстве, о женах, обещали свое отцовское попечение оставшимся внукам-сиротам. «Никто как бог», - уныло говорил своему сыну, идущему на смерть, один величавый старик с лицом патриарха. «Помните, дети, что вы умираете за правое дело». Здесь героизм и революционность сочетаются с какой-то трогательной религиозностью.

30 октября около 3 часов дня я из своего «волчка» увидел, как по коридору под усиленным конвоем прямо в 30-ю камеру провели рослого молодого человека лет 25-26. Прекрасная шевелюра обрамляла его утомленное, но спокойное и красивое лицо. Одет он был в морскую тужурку и без фуражки. «Это провели приговоренного к повешению важного большевистского комиссара», - сообщил нам коридорный надзиратель. Узнав, что в это время в церкви причащаются четверо приговоренных к расстрелу повстанцев-крестьян Мариупольского округа, неизвестный приговоренный изъявил желание причаститься. На вопрос Капитона Лаврова, какой он религии, он со смехом ответил: «Буддистской». На растерянный взгляд черносотенного попа товарищ ответил: «Вы удивляетесь моему желанию? Но через несколько часов я переселюсь в неизвестный мир, где по вашей теософии (религиозная наука) есть лучшая жизнь. А если умирающий примет причастие, то ему предстоит вечное блаженство. Я хочу испытать истину ваших учений».

С Лавровым происходила, по-видимому, внутренняя борьба. Наконец он дрожащей рукой осенил крестным знаменем приговоренного и подал ему лжицу с причастием. Приговоренный, взяв в рот причастие, смеясь, выплюнул его тут же в лицо попу. Поп повалился на колени, отбивая поклоны и шепча молитвы. Через несколько минут после возвращения неизвестного обратно в камеру по коридору пронеслось: «Орел идет». И действительно, к камере смертников быстро подошел помощник начальника тюрьмы Лавров: «Эй ты, большевистская сволочь, попался? Сегодня я тебе покажу коммунистический Интернационал! Что, мать твою, небось поджилки трясутся, собака красная?»

«Болван! - раздался из-за решетки звонкий спокойный голос. - Неужели ты думаешь меня чем-нибудь испугать? Ведь больше, чем повесить, никто, в том числе и ты, не в состоянии ничего сделать». Видно было, что на окрик палача неизвестный товарищ даже не по-

дошел к «волчку», а ответил ему небрежно, сидя. Изрыгая ругательства, Лавров ушел.

Около шести часов, после поверки, сменился коридорный надзиратель - человек с еще не заглохшей совестью, всегда вежливый и неоднократно оказывавший мелкие услуги заключенным. Этот надзиратель по своему обывательскому простодушию, а может, из-за боязни, что «чем черт не шутит, может, опять большевики придут», называл меня «господин комиссар» и беспрекословно исполнял почти все мои просьбы.

У решетки 30-й я увидел лицо приговоренного, и между нами началась горячая беседа. Осведомившись, в чем я обвиняюсь, и узнав, что я был председателем Таганрогского рев. трибунала, тов. Викторов спокойно сказал: «Дело плохо. Вас, видно, скоро пошлют вслед за мной. Но это неважно. Важно то, что деникинщина переживает свой позорный конец. Восстания на Кубани и в тылу увеличиваются и принимают стихийный характер. На фронте уже чувствуется перелом, и наши начинают бить их по всем фронтам. Близок час, когда Красное знамя Советов будет безраздельно господствовать на всей территории России».

О себе он рассказал следующее. Он матрос Балтийского флота, член РКП(б), был послан комиссаром Каспийского фронта. Здесь он вызвался добровольно пробраться в тыл неприятеля и взорвать мост у Кизляра. Во время этой операции его поймали белогвардейцы. Чувствуя, что пойманный товарищ является не рядовым, а весьма ответственным представителем рабоче-крестьянской власти, они начали его допрашивать и направили в штаб Деникина в Краснодар. Будучи уверен, что Красная Армия обязательно победит, товарищ Викторов все усилия направил на то, чтобы оттянуть окончательный приговор над собою. Это ему удалось, он запутал допрашивающих лживыми показаниями. Его начали возить чуть не по всем городам Кавказа. После безрезультатных попыток чего-либо добиться от Викторова и шестимесячного заключения белогвардейская контрразведка доставила его в Ростов, а оттуда в Таганрог, где уже заседал 1-й Военно-полевой суд при штабе Деникина (он располагался в городском театре). Судили его с 10 часов утра до 2 часов дня и приговорили к казни через повешение.

«Просил ли ты какого-нибудь снисхождения?» - небрежно спросил я. «Нет. Впрочем просил, чтобы меня не вешали, а расстреляли», - печально улыбаясь, ответил мне т. Викторов. «Ну и что?» - спросил я. «Отказали. Генерал Романовский, председатель суда, ответил, что на такую гадину большевика жаль тратить боевых патронов и что смерть под расстрелом для такого негодяя, как я, - слишком почетная смерть».

Разговор наш продолжался с перерывами часа два. «У меня есть жена и сын в Смоленске. Дай мне слово, дорогой товарищ, что сообщишь им, как я умер. Напиши жене, чтобы она сына воспитала достойного мне, борца за идею рабочего класса», - сказал мне товарищ Викторов. «Ты сам лучше напиши, - предложил я, - ибо, возможно, что скоро я последую за тобой и просьбы твоей не удастся выполнить. Письмо же твое я постараюсь передать на волю, чтобы его как-нибудь переслали твоим родным». Товарищ Викторов попросил карандаш и бумагу. Услужливый надзиратель немедленно ему передал, а через несколько минут у меня было драгоценное письмо умирающего героя к родным. «Я что-то устал», - проговорил после некоторого молчания т. Викторов. «Уже поздно», - ответил я.

Был уже десятый час. В такое время конвой редко приходил за приговоренными, тем более что четырех приговоренных повстанцев, сидевших вместе с Викторовым в камере с 6 часов вечера, конвой взял на расстрел.

«Я думаю, что тебя сегодня не возьмут, т.к. уже поздно», - сказал я Викторову. «Тогда я лягу спать, - спокойно зевнул геройский коммунар. - Прощай пока, дорогой товарищ. Я рад, что отвел с тобой душу. Не падай духом, старайся затянуть дело. Скоро придут наши. А если все же тебя казнят, помни, что наше дело пролетарской революции никогда не погибнет, а наши имена с восхищением будут вспоминать освобожденные пролетарии». Так поддерживал мой дух человек, который сам уже находился на пороге мучительной смерти. Взволнованный, я лежал на полу камеры (никаких подстилок не полагалось), с горячей верой, что с такими борцами, как тов. Викторов, революция непобедима, и что черная реакция рано торжествует свою победу.

Не прошло и получаса, как раздался знакомый шум и звон шпор. Сомнений не было - за тов. Викторовым шли палачи. Посторонней команды не было никакой. Тюремная стража, один офицер, вероятно прокурор Военно-полевого суда, и Лавров. Открыли камеру. «Выходи, большевистская морда! Попался, голубчик? Вот я тебе покажу Советскую власть!» - кричал негодяй Лавров. Из камеры спокойно вышел молодой атлет Виктор, презрительно произнес: «Дурак!» на Лаврова. «Я хочу, — обратился тов. Виктор к старшему надзирателю, - чтобы все мои вещи и белье передали находящемуся в 28-й камере (на минуту заперся, вспоминая фамилию) Вириласу». Надзиратель беспомощно смотрел на Лаврова. «Крути ему руки, чего остановился?» - не отвечая на его вопрос, прорычал Лавров. «Я так пойду», - твердо произнес тов. Виктор, и никто под влиянием этого мужества, даже Лавров, не посмели возразить ему. Твердыми и быстрыми шагами пошел навстречу смерти мужественный коммунар.

«Прости, товарищ-герой», - шептал я, беззвучно рыдая у решетки «волчка». Не знаю, сколько прошло времени, «Не надо! Успокойтесь, господин комиссар, ложитесь спать», - мягко и ласково прошептал мне простодушный надзиратель. Вещей тов. Викторова мне, конечно, не выдали. Письмо было послано по адресу, но никакого ответа не получено.

Последние недели белогвардейщины

Тюрьма продолжала жить тревожной и напряженной жизнью. Поступали все новые и новые арестованные, чтобы через несколько дней пойти на жестокий суд, а затем туда... в поле у Еврейского кладбища. Чувствовалась нервность наших тюремщиков. Ползли новые слухи о поражениях Добровольческой армии, о взятии красными Харькова. Все эти сведения отзывались в наших сердцах райской музыкой и... тревогой: что же будет с нами? Неужели наши жестокие враги упустят свою добычу и при наступлении наших войск не покончат с нами?

Усиление холода, а вместе с ним ужасные условия тюрьмы стали нестерпимо тяжкими. Начался повальный сыпной тиф. В больницу никого переводить не разрешалось. В ужасных условиях больные лежали на полу, кишася вшами. Каждый день было несколько смертных случаев.

Свирепей и жестче становились с каждым днем палачи. Ковалев и его помощник Лавров носились по тюрьме как дьяволы, сея кругом невероятные издевательства. Шли толки об эвакуации тюрьмы. В это время я заболел тифом и был отправлен в больничную камеру. В беспомытном состоянии, находясь между жизнью и смертью, я пробыл три недели. 15 декабря по старому стилю я впервые пришел в себя. За окнами нашей камеры раздавался гул отдаленной пушечной пальбы. Среди некоторых выживших товарищей шли горячие толки о начавшемся бегстве белогвардейцев. В тот же день мне сообщили, что дело мое кончено и назначено к слушанию на 3 января в 1-м Военно-полевом суде при штабе Деникина. 16 декабря продолжала слышаться пальба и шла частичная отправка заключенных в Новочеркасск.

17 декабря утром я узнал, что Лаврова уже нет в тюрьме, его мобилизовали в армию. Пришедший утром старший надзиратель Лаврухин, всегда относившийся тепло и участливо к заключенным, долго смотрел на меня каким-то особенно жалостливым взглядом. Я начал у него спрашивать: «В чем дело?» Наконец, видимо, решившись, он махнул рукой и сказал: «Ну, была не была, скажу все. Вас, тов. Варелас, и Зарайского решено расстрелять без суда. Город накануне сдачи». Сказав это, он ушел. Я был в приподнятом настроении. Мысль, что Таганрог будет освобожден, доказывала мне, что революция побеждает, что Советская власть укрепитя скоро на всей территории бывшей России. Прекрасные картины рисовались мне в предстоящем строительстве пролетарской революции. Как-то мало думалось о предстоящей казни. Что значит моя смерть по сравнению с великой радостью предстоящей измученным рабоче-крестьянским массам?

«Сегодня решится ваша участь», - прошептал мне Лаврухин утром. Я почувствовал головокружение. Хотелось говорить, что-то делать, двигаться, но я был еще в постели, в ужасной

арестантской вшивой постели, и не мог двигаться. «Понесут ли меня на расстрел, или здесь же прикончат?» - носилось в моих мыслях. «Братцы, освобождают арестованных некоторых!» - вскричал, вбегая, один взволнованный арестант, ухаживавший за больными. «Неважных освободят, а нас, наверное, сейчас же прикончат», - пронеслось у меня в голове.

В три часа растворились двери камеры, и в нее быстро вошли т.т. Парфенов, всего месяц тому назад освобожденный из тюрьмы, - социал-революционер, известный всему городу по ряду своих выступлений, за ним т.т. Сальников, Сабинин и несколько рабочих. «Тов. Варелас, мы вас первым освобождаем! Белые уходят, тюрьма в наших руках», - бросились ко мне пришедшие товарищи. Широко раскрытыми глазами я смотрел на вошедших товарищей, не веря услышанному. Нервы не выдержали, и я глухо зарыдал. Хотя от радости редко умирают, но после этого потрясения мне пришлось пролежать в лечебнице около полутора месяцев из-за нервного расстройства в тяжелой форме.

Плен кончился, вновь начиналась полная кипучей революционной деятельности жизнь. Красная Армия - могучая, смелая, героическая - неслась дальше и дальше в своем стремительном наступлении, гоня бегущего в панике врага.

Красная, яркая звезда загорелась над измученным городом.

Семнадцатый год

Семнадцатый год - великий исторический год, освободивший от рабских пут капитала рабочих, крестьян и трудящихся казаков, - светлой, вечной полосой лег в моих воспоминаниях.

Февральский и Октябрьский перевороты захватили меня в царской армии, в 274-м пехотном полку, в г. Таганроге, где я был всей солдатской массой 4-й роты избран представителем в Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Совет по своему составу был меньшевистским, соглашательским, предательским для интересов трудящихся масс, председателем его долгое время был некий Берман, он же - Павел Кожанный.

Большевиков, выступающих открыто на собраниях, в то время было незначительное количество. В памяти у меня остались следующие товарищи: Шалиевский, Хилков, два брата Штыб и женщина Штыб. Правда, эта группа по количеству была ничто, но зато по качеству была сильна: они везде и всюду боролись с меньшевиками и другими подобными им, доказывали истину, звали рабочих на борьбу против врагов - объединяться только под Красным знаменем коммунизма.

В то время на меня было возложено Советом заведывание экспедицией всех газет, поступающих из Москвы большими пачками. Газеты были меньшевистского направления, как и сам Совет. Изредка поступала «Правда» и «Наше знамя», последняя газета привозилась самими рабочими из Ростова всякими способами, кто как сумеет провезти. Один раз мне пришлось получать «Наше знамя» в помещении ротонды городского сада г. Ростова-на-Дону, отпускал мне тов. Васильченко. Газета была доставлена в экспедицию, где из-за нее чуть не произошла драка между рабочими, так как привезенное малое количество газет далеко не покрывало спроса. Кроме того, большая часть их была отдана воинским частям. Остальные газеты в большинстве своем не читались, не разбирались рабочими, связывались и опускались в подвал помещения Совета.

Помню тот день, когда рабочие заводов читали группами расклеенные по заборам приказы генерала Каледина, посылая проклятья всей буржуазной своре. Этими приказами был объявлен весь район промышленный на военном, осадном положении. Кроме того, Донское войсковое правительтельство с данного момента приняло всю полноту государственной власти ко всему населению Донобласти. Рабочие хорошо знали, что все это значит.

Вскоре прибыл в Таганрог и генерал Назаров с казачьей тяжелой батареей и с юнкерами. Цель прибытия их была всем известна, на местный гарнизон надеяться нельзя было, за исключением кавалерийского Заамурского полка. Пехота вся была на стороне рабочих. С приездом юнкеров рабочие волновались, не давая спокойно работать Совету.

Чувствуя, как масса с каждой минутой уходит все дальше и дальше от того соглашательского Совета, примыкая к большинству, а в это время большевистский авторитет поднялся уже на все сто процентов, - Совет по своему обыкновению вынес постановление: послать делегатов для выявления назревших вопросов к генералу Каледину в г. Новочеркасск.

Если память мне не изменяет, в тот же день в Таганрог прибыла Черноморская флотилия, в которой тоже были представители в лице матросов, входящие в эту делегацию. При выходе из помещения Совета товарищи матросы сильно были возмущены введением для охраны Совета юнкеров.

Вышеназванная делегация состояла из шести человек: от Совета рабочих и солдатских депутатов - один, от пехотных частей - один, от матросов - один, от Заамурского кавалерийского полка - два и от казачьей батареи - один. В эту делегацию входил и я - от пехотных частей.

По приезде делегации на вокзал Новочеркаска, 24 ноября 1917 года, нашим глазам представилась следующая картина: 1) полное отсутствие всяких центральных газет, за исключением «Приазовского края» и др. контрреволюционных газет. На наш вопрос, почему нет московских газет, нам отвечали, что Калединым запрещен пропуск всяких центральных газет в Донобласть. 2) На вокзале была масса офицеров при погонах, подобно большой стае волков, слетевшейся на мясо и кровь рабочих и трудовых казаков. 3) Когда наша делегация перешла через вокзал на сторону города, мы увидели стоящий автомобиль, ожидающий ростовского меньшевика Васильева, прибывшего с нашим поездом, которому, как своему, очевидно, человеку, был послан Калединым автомобиль, в каковом Васильев и скрылся быстро с наших глаз.

Мы пошли пешком в город, прямо по направлению к дворцу генерала Каледина, где нас встретил необыкновенно большого роста его адъютант вопросом, кто мы и зачем явились. Узнавши кто мы, он провел нас в свою комнату, расположенную рядом с лестницей, ведущей прямо к самому Каледину. Через малый промежуток времени адъютант от нас ушел с докладом к Каледину. В это время один из наших делегатов, в чине поручика Заамурского полка, обратил наше внимание на головные уборы и сказал нам; «Смотрите, здесь на приеме у Каледина находится французская и английская миссия. Мы между собой переглянулись, задавшись вопросом: зачем они тут? Но ответить мы на этот вопрос не могли».

Возвратившийся адъютант предложил нам идти в другое помещение, находящееся в городе, куда через 15 минут придет и генерал Каледин. Пришли в большое здание (б. городская Управа), нас провели в большой зал, видимо, зал заседаний Войскового правительства. Посадили нас около стены. А вот и Каледин показался в дверях, с большой серебряной медалью, висящей под шеей. Мы все встали, как полагается воинским чинам. Он подходит к нам, спрашивает, кто мы, откуда, зачем прибыли. Наш левофланговый товарищ сказал: «Господин генерал, это делегация из Таганрога». Тогда Каледин стал подходить к каждому из нас и говорить «здравствуйте». Подошел к казаку - делегату от тяжелой батареи, говорит с удивлением: «Ты казак?» - «Да». - «Как ты попал сюда? Ведь у нас, у казаков, свои дела, свои интересы, мы можем всегда между собой договориться в отдельной комнате, и ты можешь остаться у нас, а затем поехать». Так он и действительно остался, не поехал с нами. Откуда не возьмись - Богаевский, правая рука Каледина, шепчет на ухо: «Нужно сесть». Тогда идем мы все к большому столу, покрытому зеленым сукном, садимся по одну сторону, по другую сторону село много офицеров, вплоть до генерала Алексеева.

Вот начались вопросы со стороны Каледина к нам. Но когда узнал, что у нас на руках имеются наказы, велел прочесть их. По прочтении они были вручены Каледину. Дошло дело до матросов. Каледин говорит: «Зачем вы явились, непрошенные, к нам, на тихий Дон?» Матрос, не долго думая, отвечает: «Нас призвало трудовое казачество для защиты их интересов от генералов и помещиков-атаманов». Тогда рядом сидящий с Калединым, по левую сторону от нас, Богаевский, трясаясь от злости, замечает: «У нас, казаков, шашки еще не притупились о тех, кто посягает на нарушение тихой жизни Донского казачества. Ведь мы - все трудовые казаки». Матрос говорит в ответ: «Если так, то у нас хватит снарядов». Рядом си-

дящий с Богаевским офицер берет его за плечо и говорит: «Тише, не волнуйся».

Со стороны делегации было много задано вопросов примерно следующего содержания:

1.«Будет ли снято военное положение, в каком надобность отсутствует?» - «Нет, не будет».

2.«Будут ли освобождены из тюрьмы рабочие, в том числе казак Голубев?» - Ответа не последовало.

3.«Почему все офицеры со всех концов России сбегаются в Новочеркасск?» - «Они бегут от рук большевиков в поисках защиты».

4.«Почему многие пехотные полки распущены?» - «Нам на нашей территории большевистской заразы не нужно».

5.«Почему и зачем в Новочеркасске организуются специальные офицерские полки?» - «Это наша военная тайна, не подлежащая оглашению».

На многие вопросы Войсковое правительство обещало ответить письменно, но это, очевидно, была дипломатическая отговорка, и не больше.

По прибытии в Ростов мы попали в театр «Марс» на большой митинг рабочих и солдат. Митинг был устроен по случаю приезда Черноморской флотилии, он окончился приблизительно в 12 час. ночи. Расходившиеся были настроены торжественно, с большим революционным подъемом.

Наша делегация предполагала остановиться на ночлег в помещении Совета, но матросами было предложено нам судно «Колхида», каковое предложение нами было принято. Едва мы успели приняться за обсуждение некоторых интересовавших нас вопросов, как к нам влетел с быстротой молнии поручик тов. Жук с винтовкой в руках, дрожащий, с бледным, как полотно, лицом. Собравшись с силами, влетевший сообщил, что сейчас только произошло нападение на Совет рабочих и солдатских депутатов, и в результате нападения есть жертвы. Это было в ночь с 25 на 26 ноября.

Такое сообщение на всех присутствующих сильно подействовало, даже всех испугало. Но тов. Сырцов не растерялся, подошел к телефону, вызвал генерала Потоцкого, спрашивает: «Кто это?» - «Я, Потоцкий». - «Известно ли вам, по чьему распоряжению произошло нападение и разгром Совета рабочих и солдатских депутатов?» Потоцкий: «Да, известно, по моему распоряжению».

Тогда тов. Сырцов бросил телефонную трубку с такой силой, что у нее отлетела часть. Была ясна вся бесполезность дальнейших переговоров. Сейчас же был намечен план дальнейшей работы, и в первую очередь был решен вопрос об аресте генерала Потоцкого и других. Тотчас же была организована комиссия из пяти человек под председательством матроса тов. Драчука, которая выпустила воззвание к населению Дона, начинающееся следующими словами: «В ночь на 26 ноября матросы были взволнованы известием о разгроме помещения Совета, о зверском убийстве члена Совета Р.С. депутатов т. Кунды, члена штаба Красной гвардии Казберюк и двух красноармейцев. С этого момента комиссия берет под свою защиту ростовский Совет и принимает меры к уничтожению контрреволюции. Трудовое казачество в этом деянии не виновно, а в произошедшем усматривается действие юнкеров, переодетых в казачью форму, и офицеров».

К утру был арестован генерал Потоцкий и др. и препровождены на судно «Колхида». Весь день прошел в перестрелках флотилии с юнкерами, были частные случаи перелетов, но все же одним снарядом удалось уничтожить позицию юнкеров, а к вечеру было получено срочное донесение: «Каледин забирает Ростов».

Наши войска, агитируемые меньшевиками, разлагались. Единственный выход, который оставался - отступление. Был отдан приказ комиссаром флотилии тов. Драчук об отходе судна «Колхида», но оно, как глубоко сидящее, не могло пройти на мели и остановилось. Пришлось перегружаться на судно «Тральщик», на него были переведены и арестованные вместе с Потоцким. Но и с «Тральщиком» было не все благополучно, так как из-за сгона воды он, пройдя немного, остановился. Началась работа, Помню, все работали всю ночь, вы-

таскивая из трюмов судна балласт (песок), а к утру подул ветер с моря, прибыла вода, и «Тральщик» пошел.

Когда мы поравнялись со станицей Гниловской, к нам на близкое расстояние подошла лодка с пятью казаками, вооруженными винтовками. Один из казаков, стоявший в лодке, заявил: «Если вы через пять минут не остановите судно, то впереди стоящими орудиями будете расстреляны». Комиссар флотилии тов. Драчук ответил: «Если вы через пять минут не скроетесь с наших глаз, то будете вместе с Потоцким расстреляны на месте». На мостках появился генерал Потоцкий. Стоявший офицер при виде Потоцкого взял под козырек. Потоцкий говорит, называя по фамилии офицера: «Вы не беспокойтесь обо мне, со мной матросы обращаются хорошо, кормят даже недурно».

После этого разговора лодка скрылась. Едем дальше. О жизни пленных вопрос был решен. Но вдруг на горизонте опять появилась лодка и несется прямо к нам, переполненная людьми. Это оказалась делегация от генерала Каледина, которая предъявила нам ультиматум: освободить всех пленных, в том числе и генерала Потоцкого, в противном случае арестованные матросы в количестве 11-16 человек будут расстреляны. Перед матросами встал вопрос: приводить ли в исполнение свое решение или разменяться пленными? Решено было произвести обмен пленных в местности Донских гирл.

Въезжаем в Донские гирла - парохода нет. Тогда один из матросов лезет на мачту, видит - пароход идет с пленными. Вот и подошел. Происходит процесс обмена. Потоцкий, перешедши на свой пароход, очень любезно попрощался и благодарил за гостеприимство. Матросы же со злобой посматривали на него. Вымененные же на Потоцкого матросы стали рассказывать нам, как их секли старые казаки при аресте нагайками.

Подъехали к Таганрогу. Распрощавшись с товарищами матросами, мы разошлись по своим местам. Было 7 часов вечера. Я направился к своей части, где проходило общее собрание солдат. После информации о положении дел на собрании было постановлено: принять во внимание отсутствие в полку винтовок, пулеметов, патронов и проч. огнестрельных припасов. Выявилась необходимость разъехаться для соединения с другими революционными частями.

После такого решения приступили к разборке всех материальных складов, и тут можно было бы наблюдать, как многие надевали на себя по несколько суконных гимнастерок, шинелей, рубашек и проч. одежды. Всю ночь работал комитет, выдавая желающим удостоверения, в которых говорилось об отпуске на основании приказа генерала Каледина. К утру в казармах и на складах стало пусто. Генерал Назаров и юнкера умышленно не чинили препятствий, так как в их же интересах было распустить революционно настроенные полки.

Вот каким образом кончали свое существование пехотные полки. Можно было наблюдать, как по всем линиям железных дорог двигалась эта масса. Я поехал в Донскую область, на хутор Обливской, где были срочно расположены казачьи части 2-го пехотного полка и 23-го конного полка. Там пришлось работать совместно с революционными передовыми сознательными казаками. Особенно следует отметить, как энергичных, стойких и деятельных, товарищей Морковицкого, Бордакова, Иванова, Хорошего и др.

На первом гарнизонном собрании выступали офицеры и с пеной у рта призывали постоять за генерала Каледина и Войсковое правительство, выполнить приказ, по которому все должны были пойти на усмирение рабочих. На это выступление казаки ответили категорическим отказом и предложили офицерам снять погоны. С неподчинившихся требованиям трудящихся казаки сами срывали погоны. Резолюция, принятая собранием, была помещена в газете «Борьба», издаваемой в г. Царицыне.

Офицеры обманным образом подготовили пулеметную команду против революционно настроенных казаков и пошли рано утром в наступление на квартиры сознательных казаков, в результате чего было немало раненых. Позже со стороны казаков были арестованы некоторые офицеры и отправлены в г. Царицын. После этого казаки разошлись по домам, а передовым казакам без поддержки извне оставаться нельзя было, и всем пришлось бежать в Царицын, где была организована казачья Военная секция под моим председательством, ко-

торой было много было сделано для пользы революции в Донской области.
Наступил восемнадцатый год...

ЦГТБ имени А. П. ЧЕХОВА